

Алексей Толстой. Аэлита

Роман

С книжной полки Олега Колесникова

<http://www.alina.ru/magister/library/books/books.htm>

СТРАННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

В четыре часа дня, в Петербурге, на проспекте Красных Зорь, появилось странное объявление, – небольшой, серой бумаги листок, прибитый гвоздиками к облупленной стене пустынного дома.

Корреспондент американской газеты, Арчибальд Скайльс, проходя мимо, увидел стоявшую перед объявлением босую, молодую женщину, в ситцевом, опрятном платье, – она читала, шевеля губами. Усталое и милое лицо женщины не выражало удивления, – глаза были равнодушные, ясные, с сумасшедшинкой. Она завела прядь волнистых волос за ухо, подняла с тротуара корзинку с зеленью и пошла через улицу.

Объявление заслуживало большого внимания. Скайльс, любопытствуя, прочел его, придвинулся ближе, провел рукой по глазам, перечел еще раз:

– Twenty three, – проговорил он, наконец, что должно было означать: "Чорт возьми меня с моими костями".

В объявлении стояло:

"Инженер, М. С. Лось, приглашает, желающих лететь с ним 18 августа на планету Марс, явиться для личных переговоров от 6 до 8 вечера. Ждановская набережная, дом 11, во дворе".

Это было написано – обыкновенно и просто, обыкновенным чернильным карандашом. Невольно Скайльс взялся за пульс, – обычный. Взглянул на хронометр: было десять минут пятого, стрелка красненького циферблата показывала 14 августа.

Со спокойным мужеством Скайльс ожидал всего в этом безумном городе. Но объявление, приколоченное гвоздиками к облупленной стене, подействовало на него в высшей степени болезненно. Дул ветер по пустынному проспекту Красных Зорь. Окна многоэтажных домов, иные разбитые, иные заколоченные досками, казались нежилыми, – ни одна голова не выглядывала на улицу. Молодая женщина, поставив корзинку на тротуар, стояла на той стороне улицы и глядела на Скайльса. Милое лицо ее было спокойное и усталое.

У Скайльса задвигались на скулах желваки. Он достал старый конверт и записал адрес Лоса. В это время перед объявлением остановился рослый, широкоплечий человек, без шапки, по одежде – солдат, в рубаше без пояса, в обмотках. Руки у него от безделья были засунуты в карманы. Крепкий затылок напрягся, когда он стал читать объявление:

– Вот этот, вот так, замахнулся, – на Марс! – проговорил он с удовольствием и обернул к Скайльсу загорелое, беззаботное лицо. На виске у него, наискосок, белел шрам. Глаза – ленивые, серо-карие, и так же, как у той женщины, – с искоркой. (Скайльс давно уже подметил эту искорку в русских глазах, и даже поминал о ней в статье: ... "Отсутствие в их глазах определенности, неустойчивость, то насмешливость, то безумная решительность, и, наконец, непонятное выражение превосходства – крайне болезненно действуют на свежего человека".)

– А вот взять и полететь с ним, очень просто, – опять сказал солдат и усмехнулся простодушно, и в то же время быстро, с головы до ног, оглядел Скайльса. Вдруг он прищурился, улыбка сошла с лица. Он внимательно глядел через улицу на босую женщину, все так же неподвижно стоявшую около корзинки. Кивнув подбородком, он сказал ей:

– Маша, ты что стоишь? (Она быстро мигнула.) Ну, и шла бы домой. (Она переступила пыльными, небольшими ногами, и видно было, как вздохнула,